

18+

Владимир Дулга

ХУБАРА

Сирийский дневник. Мятеж

Владимир Дулга Хубара. Сирийский дневник. Мятеж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23099472

ISBN 9785448371738

Аннотация

Повествование не претендует на историческую документальность и хронологию, в нём присутствуют элементы художественного вымысла. Тем не менее, описываемые события в основном реальны. Главный герой Владимир Симонов – собирательный образ, составленный из характеров, привычек, суждений и взглядов многих сослуживцев и близких друзей. В отличие от многих официальных документов, автор хотел правдиво показать повседневную жизнь советской «хубары» изнутри, глазами человека, живущего в этом социуме.

Содержание

Об авторе	5
О книге	7
Часть вторая	11
Июнь 1982 года. Ливан. г. Баальбек	11
Июнь 1982 года. Сирия. Ас-Самейн	16
Ближний Восток. Ливан. Июль 1982 года	22
Хаддадовцы. Лето 1982 года. Ливан	29
Июль – август 1982 года. Ливан. Район г. Баальбек	37
Август – сентябрь 1982 года. Ближний Восток. Ливан	45
Горный район Хаммана	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Хубара

Сирийский дневник. Мятеж

Владимир Дулга

© Владимир Дулга, 2017

ISBN 978-5-4483-7173-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Родился и вырос в семье офицера. Большую часть жизни отдал службе в армии. Окончил Благовещенское танковое командное училище и Академию Бронетанковых войск. Служил в Туве, Хакасии, Германии, Омске, три года был советником командира танковой бригады Вооружённых сил Сирии. На эти годы пришлась Ливанская война 1982 года, попытка государственного переворота в Сирии 1983—84 г. Длительная служба в арабской республике помогла лучше узнать нравы, порядки, обычаи, характеры жителей страны.

Своими наблюдениями я решил поделиться с Вами – мои читатели.

О книге

Первая часть романа была представлена читателям несколько лет назад. В ходе подготовки к публикации второй части, я сомневался в правомерности и необходимости этого. Несмотря на то, что большая часть материала к этому моменту уже существовали в черновом варианте, начавшиеся волнения в Дамаске и многих других городах Сирии в июне – июле 2011 года заставили меня воздержаться от публикации.

Международные СМИ под различными углами и с разных точек зрения, по-своему освещали происходящие события. Тем более что и моя страна, какое-то время, пытаюсь разобраться в ситуации, не предпринимала конкретных шагов по стабилизации положения. До этого на севере Африки, в Ливии и Египте запылала кровавым цветом «арабская весна», развязанная и поощряемая Соединёнными штатами и их европейскими союзниками. Россия и тогда не сделала, практически ничего, для оказания помощи ориентированной на нас Ливии и, далеко не враждебному Египту. Зараза «американской демократии и свободы», вследствие вседозволенности ввергла в братоубийственные войны и хаос Ирак, Египет, Ливию и перекинулись на мирные земли Сирии. Более четырёх лет там идут активные боевые действия между регулярными войсками президента Башара Асада и отрядами оппозиции. Являющимися на самом деле, бандами мя-

тежников, укомплектованными всякого рода сбродом воинствующих исламистов. Слетевшихся, как стервятники, на запах денег, пороха и крови, более чем из семидесяти стран мира. Главная задача «борцов за свободу» – свергнуть существующий режим, и поставить во главе страны человека удобного Соединённым штатам и шейхам Персидского залива. Нечто подобное наблюдалось в Ливане во время ливанской войны, летом восемьдесят второго года, о чём уже говорилось в первой части.

И всё же благодаря активным политическим шагам России, планируемое полномасштабное военное вторжение войск НАТО в Сирию было отодвинуто на неопределённый срок. По предложению Российской Федерации были приняты меры к уничтожению запасов химического оружия на территории этой страны, являющегося главным аргументом американских «ястребов» для оправдания планируемой агрессии войск НАТО в Сирию. Западные «свободолюбивые демократы» даже не удосужились сменить сценарий. Всё планировалось разыграть почти так же, как и оккупацию Ирака в марте 2003 года. Только тогда искали ядерное оружие, которое так и не нашли, как ни старались, а теперь поводом должны были стать химические боеприпасы.

До сих пор накал боевых действий не спадает, разрушаются города и деревни, уничтожаются памятники и храмы. Гибнут люди, тысячи детей остаются сиротами, не работают школы и больницы, не принимает самолёты Дамасский аэро-

порт. Несколько месяцев идут кровопролитные бои за город Алеппо. Смотря телевизионные передачи о событиях в этой стране, с трудом узнавая превращённые в руины знакомые города и посёлки, хочется задать вопрос – «За что?» Кому это нужно? Когда же, наконец, стихнут пулемётные очереди и взрывы на этой многострадальной земле?

Только благодаря Сирийской армии, её оснащённости и обученности, до сих пор обстановка в целом, контролируется правительством.

После сегодняшних, ежедневных, ожесточённых боёв события более чем двадцати летней давности, могут показаться менее значимыми и не заслуживающими внимания. Но и тогда шла война, гибли люди и обстановка в стране не отличалась спокойствием и миром.

Считаю целесообразно всё же познакомить читателей со второй частью романа «Хубара». Поделиться воспоминаниями о советских офицерах – «мусташарах и хабирах», заложивших в те годы, вместе с арабскими друзьями, основы сегодняшней армии Сирии. По-возможности проанализировать военно-политическую обстановку в регионе в то далёкое время. Попытаться дать оценку причинам сегодняшнего гражданского, внутрирелигиозного и социального кризиса, первые признаки которого, проявились ещё при президенте Хафезе Асаде. По итогам ливанской войны 1982 года, понять истинные причины настойчивого желания Соединённых штатов, их союзников, лидеров ряда арабских госу-

дарств, и сегодня устранить с политической арены нынешнего президента Сирии Башара Асада.

Повествование не претендует на историческую документальность и хронологию, в нём присутствуют элементы художественного вымысла. Тем не менее, описываемые события, в основном, реальны. Главный герой Владимир Симонов, собирательный образ, составленный из характеров, привычек, суждений и взглядов многих сослуживцев и близких друзей. В отличие от многих исторических, официальных документов, автор хотел правдиво показать повседневную жизнь советской «хубары» изнутри, глазами человека, живущего в этом социуме.

Часть вторая

Мятеж

Июнь 1982 года. Ливан. г. Баальбек

Активная фаза операции, названной в генеральном штабе Израиля «Мир Галилее» закончился в ночь с 11—12 июня. Под давлением мировой общественности, Израиль заявил о прекращении огня в отношении сирийских войск. Но, оставил за собой право продолжать боевые действия против отрядов «Хезбалла», пользующихся поддержкой Сирии, и подразделений боевого крыла Организации Освобождения Палестины.

В то же время, 11 июня, израильская армия предприняла попытку завершить окружение сражающегося Бейрута и установить, хотя бы частичную блокаду города, контролируя огнём артиллерии двадцати километровый участок шоссе Бейрут – Дамаск

Частичное окружение Бейрута частями Цахал было завершено 12 июня. 13 июня западный Бейрут был отделен от остальной части города.

В период с 15 по 19 июня израильские войска предприняли несколько попыток улучшить свои позиции по перимет-

ру, однако, не стремясь продвинуться в глубину города.

Сирийские войска в Бейруте, также провели ряд локальных боевых операций, с целью тактического улучшения возможностей своей обороны.

Город фактически разделили на западный и восточный сектор. В западном Бейруте находились отряды палестинского движения сопротивления, союзные им отряды «Национально-патриотических сил Ливана», также на их стороне действовали отряды милиции шиитской организации «Амаль», «Отряды коммунистического действия» и военизированные формирования ряда арабских националистических организаций.

Действия израильских войск активно поддерживали боевые отряды ливанских христиан-фалагистов, позже устроившие резню в палестинских лагерях Сабра и Шатила.

С моря действия Армии обороны Израиля и фалангистов в Бейруте поддерживались огнём артиллерии кораблей ВМФ США.

За два с небольшим летних месяца, военно-политическая обстановка в этой охваченной войной стране, кардинально изменилась. Ливан фактически, был оккупирован армиями противоборствующих сторон.

Танковая бригада Симонова по-прежнему находилась недалеко от города Баальбек, славившегося своей историей и древней культурой.

История оставила человечеству множество загадок, кото-

рые людям, ещё предстоит разгадать. Ливан, одно из тех мест на земле, где таких загадок огромное множество. Одним из самых потрясающих мест, по праву может считаться Баальбек – древний город в Ливане.

Володя не поленился, возвращаясь с очередного суточного дежурства, заехать в Дамаск и в библиотеке управления Главного военного советника посмотреть материалы по истории здешних мест.

Как информировала Большая Советская Энциклопедия, Баальбек в настоящее время небольшое поселение, в древности был великолепным городом-храмом на территории Ливана, между хребтами Ливан и Антиливан. Широкая долина, расположенная между этими двумя горными цепями, называется Эль-Бекаа или Низина, а в древности именовалась Келесирия, т.е. «Низинная Сирия». Город находится на высоте 1117 м над уровнем моря, между реками Литани и Оронт, в плодородной области на древних караванных путях, ведущих к Дамаску и Тиру

Это историческое место поражало своим величием. На фоне руин Храма Юпитера, Храма Меркурия и остатков других громадных строений человек ощущает себя Гулливером в стране великанов.

Правда, далеко и надолго отлучаться из расположения бригады было не безопасно. В округе бродили неизвестно чьи вооружённые люди, иногда вспыхивала беспорядочная стрельба, Но Симонов и начальник штаба бригады полков-

ник Джума, прихватив отделение бригадной «шорты» – военной полиции, всё же съездили к историческим развалинам. Ошеломлённые увиденным, обошли величественные строения, восхищаясь умением и трудолюбием древних мастеровых и зодчих. Но даже с такой серьезной охраной, находиться на огромной территории, хаотично заваленной могучими глыбами, заставленной частоколом высоченных колонн, среди руин величественных зданий, было, мягко говоря, неудобно.

События, происходящие в Бейруте, особо не волновали руководство бригады. Как сказал комбриг – «там есть, кому воевать!»

Экипажи без энтузиазма занимались обслуживанием техники. Командиры танков и механики водители были «мусаидами» – по-нашему сверхсрочниками, ревностно относящимися к боевым машинам. С особой заботой содержался инструмент, наборы гаечных ключей всегда были аккуратно разложены, блестящие и чистые. Володю удивляло то, что ключи и инструменты на наших, советских, серийных машинах идущих за рубеж, были хромированными. Позже он узнал истинную причину такой аккуратности экипажей – командиры взводов периодически проверяли наличие инструмента. И если что-то отсутствовало, командир танка и механик-водитель, восстанавливали утерянное за свой счёт. А любой металлический предмет или вещь стоили здесь достаточно дорого. Симонов часто вспоминал слова Коли

Труш:

– В Сирии невозможно проколоть колесо, наехав на гвоздь – гвозди тут на вес золота, и никогда не валяются! Дерево тоже продают не кубометрами, ни погонными метрами, а на вес – килограммами! Как пилюли в аптеке!

Домой Симонов, меняясь с Буратенко, ездили через сутки. Володя познакомился с советниками соседних бригад. Время было беспокойное, и на общем сходе соседи решили, для большей безопасности, ночевать вместе. Съезжались ближе к темноте в одну из бригад, место встречи назначали заранее, особо не распространяясь на эту тему со своими охранниками. Два раза подряд в одной и той же бригаде не ночевали.

Несмотря на наличие палаток, спали в своих Уазиках, кто как примостится. Помимо часовых из числа «хаджимов» – охранников, дежурили сами по очереди. Ужинали в палатке, при свете газового фонаря. Еда была скромная и чисто арабская, – лепёшки, консервы из обезжиренной говядины канадского производства, тунец в банках и всевозможная, свежая зелень. Изредка, с бутылкой, отвратительно пахнущей анисом, местной водки-араки – «Тума». Рано утром «хубара» разъезжалась по своим бригадам, а во второй половине дня, ближе к вечеру, ехала домой меняться. Для того чтобы через сутки или двое вновь вернуться.

Июнь 1982 года. Сирия. Ас-Самейн

Новый дом Симонова находился в сорока трёх километрах от Дамаска, на оживлённой автомобильной трассе, ведущей в Иорданию. В маленьком, пыльном городишке, где был расквартирован штаб танковой дивизии, в которую входила бригада Симонова. Как следовало из документов: – Эс-Самейн находился на юге Сирии, на территории мухафазы Дерья. Административный центр одноимённого района. Арабское название города, в переводе, означает «два идола».

В эпоху античности он был известен как Аэре. В городе был расположен храм, посвященный древнегреческой Богине случая и удачи – Тюхе. В 1111 году в Эс-Самейне был подписан мирный договор между иерусалимским королём Балдуином I и атабеком Дамаска – вот, пожалуй, и все исторические подробности нового места жительства. Храм, к сожалению, до наших дней не дожил, над убогими крышами посылка возвышалась только мечеть с покосившимся полумесяцем на самом верху.

А совсем недавно в городишке, строители сдали в эксплуатацию небольшой военный городок, состоящий из трёх десятков одинаковых четырёхэтажных домов, стоящих попарно. А также, одноэтажного здания, отдалённо напоминающего санчасть, с белым флагом на мачте, совмещённой с телевизионной антенной. Рядом пристроилось здания магазина,

торчавшая посредине городка водонапорная башня и круглая электроподстанция.

Для проживания «хубаре» отвели дом недалеко от въездных ворот, охраняемых сирийской военной полицией. Дом состоял из двух четырёхэтажных корпусов соединённых лестницей-переходом, позволяющей подниматься в оба крыла. Вдоль всего здания на каждом этаже со стороны входных дверей в квартиры тянулись широкие, открытые террасы позволяющие передвигаться по всему этажу. Периметр здания также охранялся постом военной полиции.

Симонову досталась небольшая трёх комнатная квартира в углу четвертого этажа. Казённая мебель состояла из двух кроватей с толстыми поролоновыми матрацами, шифоньера и прикроватных тумбочек. Маленького стола, трёх простеньких стульев, и круглого сооружения с окошечком, вроде тех, что бывают на скафандрах водолазов. По гофрированной трубе, уходящей в стену, Симонов догадался, что это печь, призванная длинными, зимними вечерами отапливать все комнаты. Мебель, включая печь, судя по надписям, была изготовлена в Китае из тонкостенного металла и тоненьких труб.

На длинной узенькой кухне, с таким же узеньким, маленьким оконцем и бетонной раковиной мойки вдоль всей стены, стоял белый холодильник «Barada», судя по всему, местного производства. Такой громадный, что Володя, открыв его, представил какую же большую семью надо иметь, чтобы за-

полнить все его полки продуктами. При желании, Симонов, убрав полки, свободно мог бы в него залезть сам. В углу комнаты примостился кухонный стол и три стула. Посуда состояла из минимального количества приборов, необходимых для жизни. Ни в одном кране мойки воды не оказалось, но характерное шипение говорило о том, что она иногда там бывает. В душевой комнате, совмещённой с туалетом, стояла, впечатляющих размеров, круглая стиральная машинка. Возле входной двери, ошестинившись рожками, как засохшее дерево, торчала металлическая вешалка. Интерьер дополнял напольный китайский вентилятор, с размахом лопастей чуть меньше, чем у самолёта АН-2. Окна центральной комнаты выходили на крохотный балкон. Внизу под балконами кусочек красной вулканической земли был огорожен невысоким бетонным забором, тянувшимся вдоль всего дома.

На первых этажах почти все квартиры были пустыми. В угловой комнате одного здания, обитал дежурный офицер «хубары», в соседних комнатах, располагался склад имущества арабского сверхсрочника, по имени Турку, являющегося квартирмейстером всего городка.

На первом этаже второго здания проживали две семьи – полковника Лелька, советника заместителя командира дивизии по технической части. И семья специалиста механизированной бригады – Миши Валетко, единственная семья в коллективе имеющая здесь ребёнка.

Первый свой приезд на новое место жительства Симонов

помнил плохо. Он приехал из Ливана после очередного дежурства. Но в своей прежней квартире застал новых хозяев, коробку с нехитрыми пожитками, собранными заботливыми руками соседки Жанны и, втолкнутую в уголок вещей записку, – «Коллектив переехал в Самейн».

Симонов знал, что Эс-Самейн маленький, пыльный городок с единственной заасфальтированной улицей, с десятком убогих магазинов вдоль дороги, ведущей в иорданский Амман. Не доезжая городка, на каменистом плато, располагалась территории штаба соединения и подразделений дивизионного подчинения. Там же находился штаб советских советников и специалистов дивизии. Володя уже выучил эти слова и мог их произнести по-арабски – «махтаб хубара фырка», дальше следовал номер дивизии. Без этих заветных слов нельзя было позвонить к себе в дивизию по армейским линиям связи

Переезд планировали давно. Ездить из Дамаска каждый день на службу за сорок с лишним километров и назад, было накладно и небезопасно. После попыток взорвать здания Управления Главного военного советника, Дом Советско-Сирийской дружбы, офис Аэрофлота и ряда провокаций в отношении наших граждан, всем советским военным советникам и специалистам предписывалось соблюдать определённые меры предосторожности и передвигаться по территории страны, только, с оружием. Несмотря на жёсткие меры, предпринятые президентом Хафезом Асадом в от-

ношении террористической организации «Братья мусульмане»¹ с разгромом её штаба в городе Хама, корни этой заразы, как показали дальнейшие события, остались.

Местная сторона долгое время не могла, по разным причинам, полностью укомплектовать дом «хубары».

Некоторые наши руководящие, «горячие головы», готовы были разместить людей, в преддверии зимы, чуть ли не в палатках, как это зачастую делалось дома – в Союзе.

Генерал Щучин, советник командира недавно созданного Армейского корпуса, в беседе с представителем министерства обороны Сирии, гордо заявил:

– Нет необходимости ждать окончания работ! Наши офицеры могут жить и в палатках! И завершать работы своими силами!

На что арабский генерал резонно возразил:

– На учениях и в боевой обстановке можно жить где угодно! Но в мирное время я не могу приказать своим офицерам и их семьям жить в палатках! А уж тем более своим гостям, коими являетесь вы! Профессиональные мастера закончат работу быстрее и лучше ваших людей!

Последние события заставили ускорить решение этого вопроса. Надо сказать, что в Дамаске многие жили по две семьи в трёх и четырёх комнатных квартирах. На новом месте, все получили маленькие, но отдельные апартаменты. Конечно, Эс-Самейн далеко не столица, но надо было жить там,

¹ Террористическая организация запрещена на территории РФ.

где требовала обстановка. В самом Дамаске, последнее время, выход членов семей за территорию управления Главного советника был ограничен. Большинство женщин с детьми, по распоряжению Москвы, выехали на Родину.

В день Володиного приезда, первыми гостями в его новой, холостяцкой квартире были бывшие соседи – Николай и Жанна. В качестве маленького подарка, сердобольная соседка принесла только что сваренный борщ, какую-то мелкую посуду – солонки, перечницы, крохотные, на арабский манер, кофейные чашечки и раскрывающиеся ложечки-трубочки, для употребления знаменитого чая «Мате». Все эти вещи не входили в обязательный набор столовой посуды, представляемой местной стороной. Они накапливались не одним поколением прошлых хозяек квартир и кухонь. Люди, отслужив своё, уезжали, а вещи, как добрая память о них, доставались новым хозяевам.

Как в былые времена, вместе поужинали, обсуждая новые заботы и старые проблемы. Мужчины поговорили о последних событиях в Ливане, где обстановка вновь изменилась.

Ближний Восток.

Ливан. Июль 1982 года

18 июля израильские войска, вероломно нарушив условия перемирия, обрушили огневые удары по позициям сирийских войск. Израильтяне предпринимали одну попытку за другой, с целью прорыва обороны сирийцев в долине Бекаа, но так и не смогли сломить сопротивление обороняющихся. Наученные предыдущим горьким опытом, арабские командиры хотя и неохотно, но всё же неплохо оборудовали позиции в инженерном отношении. Что в значительной степени способствовало сохранению техники, вооружения и личного состава.

Получив опыт в прошедших боях, экипажи почувствовали уверенность в себе и в боевой технике.

События, происходившие южнее, в районе Бейрута, в будни солдат и офицеров бригады особых изменений не внесли. Изредка прилетали израильские самолёты, но сирийские позиции не бомбили, а в щепки разносили дома и сараи далеко в тылу. Как сообщало радио Тель-Авива – «наносили удары по лагерям палестинских боевиков на севере Ливана». Понесшие большие потери сирийские средства противовоздушной обороны, выполняя условия перемирия, огонь не открывали

Бригада Симонова по-прежнему занимала район во вто-

ром эшелоне обороняющихся войск. Кроме дежурных средств противовоздушной обороны и подразделений боевого охранения, остальная часть бригады жила почти такой же жизнью, как и в пункте постоянной дислокации в Сирии. Изредка командование принимало решение, и часть личного состава бригады уезжала на ночь в увольнение – домой. Такое радостное событие называлось «мобит». Из Сирии в тыл обороны бригады приезжали громадные зелёные автобусы «МАН», под радостные крики отъезжающих и завистливые вздохи остающихся, счастливчики до утра отправлялись к семьям. Для Симонова это казалось странным.

Володя, как и требовал Боевой устав, считал, что – «война, есть наивысшее напряжение всех духовных, моральных и физических сил для достижения полной победы над врагом!» Так или примерно так! Чуть-чуть по-другому это трактовало и учебное пособие – «Партийно-политическая работа в Советской армии и Военно-морском флоте», с иронией воспринимаемое в вооружённых силах. Поскольку армия была другая – сирийская, Симонов решил всё же поговорить на эту тему с начальником штаба бригады полковником Джумой.

События последних дней сблизили офицеров. Мухаммад Джума, так было полное имя начальника штаба, часто приглашал Володю в гости к своему штабному БТР на чай. Он был непревзойдённым мастером приготовления этого напитка. Симонов никогда не был «чаехлёбом», но от чая Джумы

невозможно было отказаться. Это был букет вкусовых ощущений, наслаждений и запахов!

На вопрос Володи по поводу увольнения, Мухаммад, смеясь, прихлёбывая горячий чай, ответил:

– Согласно Корана – главной книге мусульман, мужчина может жить без воды – неделю; без еды – месяц; без женщины – максимум, три дня! А потом он становится задумчивым и неуправляемым – все мысли его обращены к женщине! Зачем нужен такой солдат? Пускай едет – отдохнёт!

Но так, как Джума знал по-русски единственную фразу – «Как дела?» А Симонов не на много больше, то разговор проходил с помощью мимики, жестов, и посуды. Володя не понял и доброй половины изображаемого начальником штаба. Хотя уже слышал нечто подобное в первые дни по приезду в Сирию, от неунывающего полковника Глебова. К этой теме они с Джумой вернутся гораздо позже, когда Симонов научится сносно изъясняться. А пока он чётко понял – как же надо не любить своих собственных граждан, чтобы на несколько лет отправлять их в длительные командировки без жён, за тысячи вёрст, в чужую страну. Такие люди были в коллективе «хубары», специалисты по технике и вооружению, последнее время, прибывали на два года без жён. И это в страну, где вообще не существует понятия – «общественное питание и столовая», где нет прачечных и Домов быта, где даже за один взгляд в сторону чужой, арабской женщины, могут, попросту, зарезать.

Сутками Симонов находился в бригаде один. От гражданского переводчика Фаузи, прикрепленного к Володе сразу по приезду, знающие люди из Главного управления, посоветовали отказаться, так как выяснилось, что он кадровый сотрудник сирийской контрразведки. Ну что же, – и за друзьями необходимо присматривать! Военный переводчик Жорж вернулся в свой разведывательный батальон сразу после объявления перемирия. Лёня Буратенко гораздо легче переносил такое одиночество – на третьем году службы он свободно обходился без переводчика. Советский переводчик подарил Симонову свой – «Русско-арабский словарь». «Мукаддам Владимир» – так теперь его называли, переводилось как, «подполковник Владимир». Но чаще, Володю называли просто «Мусташар».

К этому времени, усилиями Лёни Буратенко и содействием полковника Джумы, взамен трусоватого водителя, от которого Симонов отказался, из механизированного батальона к ним – в бригадную «хубару» пришёл новый водитель. Командир батальона полковник Салех, удивительно похожий на Сталина, долго не хотел отдавать хорошего водителя-сверхсрочника. Но потом на радостях от своего перевода на повышение, начальником штаба бригады в соседнюю дивизию, махнул рукой и сказал – «забирайте!».

«Мусаида» – сверхсрочника звали Аббас Рассуль. Как перевёл всёзнающий и вездесущий Леонид, Аббас – это имя, а Рассуль – фамилия, что по-арабски обозначает «птичка».

Новый водитель был ростом под два метра, крепкий, сильный и стеснительный. При первой встрече, поняв, что эти весёлые иностранцы говорят о нём, засмутился и покраснел, как ребёнок.

– На кого он меньше всего похож, так на птичку! – улыбнулся Симонов, – с ним можно без охраны и автомата ездить! У него кулак, как моя голова!

С помощью Леонида познакомились. Выяснилось, что Аббас служит в армии более десяти лет, пехотинцем участвовал в войне 1973 года на Голанских высотах. Женат, жену зовут Уарди – Роза, родом из Ливана, и Аббас, в своё время, украл её из бедной, многодетной семьи. Сейчас живут душа, в душу, имеют четверых детей. До войны Уарди съездила в Ливан, в гости к своим родителям и больше там не была. По мнению Буратенко, удобным являлось и то, что Аббас жил рядом, в том же военном городке, что и советники.

Парень оказался на редкость сообразительным. С его помощью, Симонов, достаточно быстро, выучил множество слов, необходимых в быту. Без которых невозможно было самостоятельно купить даже ведро картошки на Самейнском базаре или булку белого хлеба в Дамаске, на площади АВС. Процесс обучения был взаимным, Володя учил арабские слова, Аббас русские. Обычно увидев на дороге что-то интересное, Аббас показывал на это пальцем и медленно, несколько раз, по слогам повторял название. Так Симонов узнал слово «рафа» – автокран; «бакара» – на удивление ока-

залась – коровой; картошка – «бататой»; мясо – невкусным словом – «ляхом». Возможно и произношение, и ударение во фразах Симонова были неправильными. Но если в лавке Симонов говорил: – «Атыни ляхом вакара!», ему давали именно говядину, а не солистку знаменитой вокальной группы. Русским не рекомендовалось покупать «ляхом объят» – белое мясо, проще говоря, свиное сало. Хотя вокруг Эс-Самейна было множество деревень, населённых арабами-христианами, где можно было, при желании, купить и «ляхом хинзир» – свинину. За умопомрачительную цену, сравнимую с ценой трюфелей, для поиска которых, в Европе тренируют именно свиней.

Симонов и Буратенко ездили на дежурство по очереди с Абассом. Иногда Володя уезжал один, оставляя водителя дома – с семьёй, дабы не нарушать святое предписание Корана. Иногда они ездили все втроем или при необходимости жили в бригаде по несколько дней. Недалеко от большого штабного блиндажа, среди палаток начальников служб, располагалась и их палатка. В ней постоянно находился один из двух «хаджимов» – охранников, поддерживающих порядок, получающих продукты, готовившие пищу и обязательный чай. На них же возлагалась обязанность осуществлять охрану «хубары» и дежурить у телефона. Одного – постарше звали Махмуд Фешке, другого – Сугель, с длинной трудно выговариваемой фамилией. Охранники дорожили своим относительно привилегированным положением по сравнению

с другими бойцами, свободой и человеческим отношением к ним советских офицеров. При виде своих арабских командиров, они в испуге вытягивались, топали ногой, отдавая честь, отвечали кратко, обязательно добавляя – «сиди!» – что означало «господин». «Сидей» Симонову быть не хотелось, и поэтому охранники обращались к нему – «Рафик Владимир» – товарищ Владимир.

Очень редко, выезжая из бригады, Симонов и Буратенко брали с собой охрану, больше надеясь на самих себя.

Аббас, как старший по званию и возрасту, руководил работой «хаджимов»

Хаддадовцы. Лето 1982 года. Ливан

Однажды, после нескольких дней работы в бригаде по уточнению расположения минных полей, и отрытых накануне противотанковых рвов на стыках батальонов, Володя, Леонид и Аббас отправились в Дамаск.

Аббас попросил, если можно, по пути заехать в маленькую деревушку, где до войны жили родители его жены. Эта территория как сообщалось в уточнённой оперативной обстановке, только недавно была занята сирийскими войсками, и он хотел узнать о судьбе родственников.

Служба Леонида в Сирии подходила к концу и, готовясь к отъезду, ему естественно хотелось привезти домой родным и детям что-то такое, чего в Союзе просто нет. Обычно это были, сделанные под-медь из переплавленных стреляных снарядов и гильз, оригинальные разборные люстры, выполненные умелыми арабскими мастерами в духе обычаев и культуры Востока. Благо материала для поделок, после стольких войн, было предостаточно. Симонову тоже хотелось скрасить свой холостяцкий быт и купить небольшой магнитофон, и он согласился.

Аббас хорошо знал дорогу, поэтому карта не понадобилась. Вскоре свернув с наполненного военными машинами шоссе, они двинулись в направлении нужного им населённого пункта. По дороге Аббас показывал местные достоприме-

чательности. Справа появилось старинное глинобитное здание со сферической, в одном месте провалившейся, глиняной крышей. Смахивающее на планетарий или обсерваторию. Как Симонов уже знал, это был древний амбар для хранения зерна. В другом месте машина запрыгала по тряской дороге, выложенной необтёсанными булыжниками. Аббас пояснил, что эту узкую дорогу соорудили во времена, и по приказу самого Александра Македонского, завоевавшего эти края.

Наконец добрались до нужной деревушки, оказавшейся небольшим городком. На въезде, как и полагалось, мешками с песком было выложено укрытие для пулемётчика. Но шлагбаум был поднят вверх, вокруг не было видно, обычных в таких местах, бойцов военной полиции или хотя бы пехотинцев. Из стоящей неподалеку палатки на шум машины, тоже никто не появился. И они беспрепятственно въехали на городскую улицу. Днём, в жару, местные жители стараются не появляться на солнце. Излюбленное занятие европейцев – позагорать на солнышке, у местных жителей считается наказанием. Они и так смуглые от рождения, женщины напротив, стараются быть как можно бледнее лицом и кожей рук. Остальное у них, как правило, закрыто одеждами.

Вероятно из-за наступившей полуденной жары, на узкой улочке городка машине не встретился ни один местный житель.

Аббас сказал, что родня живёт на другом конце деревни,

и вспомнил, что нужная лавка находится, вероятно, на площади. Действительно, вскоре машина выехала на круглую центральную площадь, окружённую мрачными каменными зданиями, построенными ещё в средневековье. Возле магазинов, на другой стороне площади, стояла группа военных. На площадь выходило три улицы, по одной приехал Уазик советников, на въезде в другую, стояла повозка, запряжённая флегматичным осликом. На третьей улице, почти закрывая всю её ширину, притулился в тени БТР М-113. Симонов ещё успел подумать – откуда тут бронетранспортёр американского производства? У палестинцев Ясира Арафата такой бронехники, вроде, нет! Может трофейный?

Стоявшие военные, молча, с каким-то интересом, разглядывали подъезжающий автомобиль. В полевой серой форме, в бордовых беретах на стриженных головах. У одного в руках Симонов заметил американскую армейскую винтовку М-16, которую из-за её характерной формы, нельзя спутать ни с чем другим.

– Да это же бойцы Армии южного Ливана! – пронеслось в голове Симонова. – Назад! Аббас, назад!

Но тот уже сам, поняв, в чём дело, нажал на газ, Уазик, визжа резиной, описав дугу, резво развернулся и помчался назад в улицу. Они уже почти влетели в узкий каменный проход между домами, когда сзади прогремели первые выстрелы.

– Давай! Давай жми! Давай Аббас, давай! Лишь бы

на въездном посту никого не было! Симонов взвёл пистолет. Буратенко схватил лежащий между передними сидениями автомат, щёлкнул затвором, головой в своей потрепанной кепке и стволом автомата прорвал ветхий, почти истлевший брезент крыши, высунулся по пояс наверх, в готовности вести огонь. На счастье, на посту, вновь никого не было!

Вероятно по этой узкой трясучей дороге, со времён всадников Александра Македонского, никто так быстро не ездил. Потрёпанный Уазик, забыв свой возраст, мчался как молодой. Симонов подпрыгивал под самый потолок, хватаясь за дуги тента. Лёня, пружиня на ногах, стоял на сидении, развернувшись в своём импровизированном «люке» лицом назад и что-то пытался громко кричать. Аббас, вцепившись в руль, гнал изо всей мочи.

На счастье автомобиля и пассажиров, македонская дорога вскоре закончилась. За ними никто не гнался. Лёня спустился в салон, весь его подбородок, шея и грудь были в крови.

– Ты ранен!? Ранен? Куда? – прокричал взволнованный Симонов.

Лёня мычал, раскачиваясь из стороны в сторону, закрывая рукой рот. Наконец машина выбралась на оживлённую трассу, полную военных машин. Симонов приказал остановиться, Аббас съехал на обочину и заглушил двигатель. Все молчали, мысленно обдумывая случившееся.

– Я, кажется, язык откусил – отняв ото рта ладонь, – первым промычал Буратенко, – посмотрите.

– Если бы откусил, уже бы не разговаривал! – ответил Симонов, заглядывая в полный крови рот Леонида. – Да, дела! Прокусил сбоку и здорово! Надо кровь остановить! Давай водкой прополоскаем?

– От водки я бы сейчас не отказался! Но, наверное, если её в рот наберу, от боли сойду с ума! – пытался, сквозь мычание, пошутить Лёня.

– Как это произошло? – копаясь в аптечке поданной Аббасом, спросил Володя.

– Хотел сказать, чтобы так не гнали – сзади никого нет, – сплёвывая кровь в открытую дверь, пояснил Леонид, – а тут, как подкинет и вот – он вновь высунул окровавленный язык.

В аптечке нашлась марганцовка, размешав её в кружке с водой, Симонов подал Буратенко:

– Полощи, да подольше во рту держи, чтобы прижгло! – глядя на сморщенное от боли лицо друга, продолжил. – А я, грешным делом, подумал – испугался Леонид, что всё же догонят! И решил, дабы не сболтнуть лишнего, если начнут пытаться, язык откусить! Герой! Полощи ещё! Может, и нальём тебе в эту же кружку! Немножко, в лечебных целях! А?

Не принимавший участия в разговоре Аббас, начал что-то быстро говорить, обращаясь к Леониду. Тот махнул рукой – «малешь», значит нормально.

– Он извиняется за такую езду. И говорит, что это были хаддадовцы.

Володя и сам уже понял, что они едва не оказались в руках

солдат Армии южного Ливана

Симонов уже имел информацию об этой организации: – «Основателем и первым руководителем „Армии южного Ливана“ стал командир батальона ливанской армии, майор Саад Хаддад. Первое южноливанское военизированное формирование было создано на основе подразделения кадровой ливанской армии, при деятельном участии Израиля, в ходе гражданской войны на территории южного Ливана. После начала войны 1982 года, силы Армии южного Ливана действовали, при поддержке израильской армии, против Организации Освобождения Палестины и других просирийских вооружённых формирований. Израильцы передали Армии южного Ливана значительное количество трофейного вооружения, как регулярной ливанской армии, так и разгромленных палестинских вооружённых формирований».

– Зря я поддался на ваши уговоры! Прикушенный язык пол беды, могло быть гораздо хуже! Надо было всё же карту посмотреть! Кто тебе сказал, что в деревне сирийцы? – спросил Володя у Буратенко.

– Тыловик механизированного батальона. Он там, на днях для батальона продукты закупал. Говорил, что в деревне были наши – из военной полиции третьего корпуса.

Симонов развернул карту, нашёл маленькую отметку города-деревни, где они были. Согласно нанесённой пару дней назад обстановки, населённый пункт был у сирийцев

– Поехали! – приказал Симонов.

Но далеко уехать не удалось, машину начало вести вправо, и они остановились, оказалось спущенным переднее колесо.

– После таких скачек удивительно, что мотор ещё на месте, – подумал Симонов.

Запаска оказалось тоже пустой. Аббас показал отверстие в крышке колеса, пуля пробилась колесо насквозь, на противоположной стороне, под углом пробилась диск и, срикошетив по деталям крепления запаски, ушла вверх.

– Повезло нам, – продолжил разговор Симонов, обращаясь к ещё полощущему рот Леониду, – нас спасло разгильдяйство этих бойцов. Охранения на въезде в деревню не было, из всей толпы оружие было только у одного, по крайней мере, я так заметил. На БТРе за пулемётом, тоже никого не было. И самое главное, всё произошло неожиданно и для них и для нас! Но мы оказались шустрее!

– Они что-то мерили из одежды, наверное, реквизировали в лавке, а винтовки стояли возле стены. Аббас молодец, я ещё не успел арабское «ржа» – «назад» прокричать, а он уже развернулся. Надо на ближайшем же посту «шорты» – военной полиции, сообщить об этой группе!

Аббас, остановив попутку, увез колесо в ближайшую шиномонтажную мастерскую.

Через несколько минут к ним подъехала разукрашенный «Ленд Ровер» военной полиции. Предупреждённый Аббасом офицер, попросил показать место, где всё произошло.

Лёня, еле ворочая языком, переводил. Симонов показал

на карте место встречи с хаддадовцами, их примерную численность и наличие БТР.

Вскоре вернулся Аббас, поставил колесо. Прежде чем ехать, решили покушать. Лёне всё же налили из резервных запасов. Дабы ему было не скучно, после пережитых волнений, к процедуре присоединился и Симонов. Вечером они были уже дома. Неделю Лёня не ездил на службу, аккуратно посещая местную санчасть. Симонову пришлось всё это время дежурить одному, безвылазно находясь в бригаде.

Июль – август 1982 года. Ливан. Район г. Баальбек

Ежедневное общение с офицерами и солдатами бригады значительно расширило словарный запас Владимира. Во всяком случае, с Аббасом он уже мог, худо-бедно, изъясняться, не прибегая к языку мимики и жестов. Тот, в свою очередь, зная словарный запас Симонова, строил свои предложения исходя из этого. Всячески помогали охранники Махмуд и Сугель, первый раз в жизни, участвующие в процессе познания чужого языка.

Чисто военные термины, почему-то, давались легче. Часто работая с картой, решая текущие вопросы с командиром бригады и начальником штаба, Симонов уже мог показать батальоны первого эшелона – «катибе насактани», второго – «катибе ауле», резерв – «ихтияд». Позиции артиллерии, зенитчиков, мотострелков. Поставить и указать на карте – ближайшую задачу – «мугуми мубашара», последующую – «мугуми тани». Иногда жалкие познание в немецком языке, мешали запомнить арабские слова. Немецкий язык Володя, как и многие его сверстники, учил пять лет в школе, три года в военном училище, три года в академии, четыре года служил в Германии, но ничего путного, кроме шуточного, – «битте, цвай хундер грамм в одну посуду! Унд, бохвурст!» – «Пожалуйста! Двести грамм в одну посуду! И со-

сиску!» – сказать не мог.

Вероятно, само обучение в учебных заведениях строилось по методике, делающей упор на знание грамматики, синтаксиса и произношения. Тупое заучивание слов не подкреплённое их использованием в повседневной жизни, в сочетании с отсутствием должного желания и необходимости, делали процесс обучения бессмысленным.

Иногда полковник Джума беззлобно подтрунивал, предлагая Володе произнести что-то по-арабски, и как ребёнок смеялся, слушая исковерканное предложение. Симонов, в свою очередь, на любимую Джумой русскую фразу – «как дела?» – научил его отвечать – «как легла, так и дала!». Когда он с трудом, с помощью Леонида, разъяснил начальнику штаба, что это значит, тот смеялся ещё сильнее. И теперь при каждой встрече задавал этот вопрос и сам, смеясь, на него отвечал.

В один из дней, Симонов, Аббас и гордый доверием охранник – Сугель, возвращались в штаб после осмотра командованием бригады возможных направлений обхода противником района обороны с тыла. Работа с арабскими командирами подразделений заняла достаточно много времени, солнце уже клонилось к горизонту. Желая сократить дорогу к командному пункту бригады, они поехали через поля, по узенькой полевой дороге, проложенной между заборами, выложенными трудолюбивыми крестьянами из камней, ежегодно собираемых на своих участках.

Местность располагала к земледелию, горячее солнце, плодородная земля и большое количество необходимой влаги способствовало богатому урожаю. Машина то и дело преодолевала маленькие мостики через арыки и ручейки. За каменными заборчиками всё было покрыто сочной зеленью. На жёлтой высотке, инородным телом торчащей среди буйства зелени и жизни, одиноко, без пастуха, паслось небольшое стадо баранов.

Сквозь шум автомобильного мотора изредка прорывался гул высоколетающих самолётов. Сирийская авиация, выполняя условия прекращения огня, особой активности в этом районе не проявляла. Израильская сторона, напротив, воздерживаясь от применения авиации против сирийских войск, настойчиво наносила бомбоштурмовые удары по целям, именуемым израильской прессой, как «лагеря палестинских боевиков и склады оружия»

Был такой, с позволения сказать, «лагерь», в дальнем тылу бригады Симонова. Куда, с завидным постоянством, прилетали израильские самолёты. Зенитные самоходные установки (ЗСУ-23/4 «Шилка») зенитно-ракетного батальона бригады сопровождали их полёт поворотом башен, ошестинившихся стволами готовых к бою пушек. Но приказа на открытие огня не поступало, Сирия чётко выполняла взятые обязательства по прекращению огня. Самолёты «героически» разносили в щепки оставшиеся от предыдущего налёта щепки, и гордо, с чувством исполненного долга, удалялись восвояси.

Или израильские штабисты забывали вычеркнуть эти щепки из списка перспективных целей или у авиации Изра-иля залежались лишние боеприпасы и дорогостоящие само-лётовылеты. Самолёты появлялись ближе к вечеру, стороной обходили район обороны бригады. Далеко у подножия гор с грохотом делали своё дело и улетали. Со временем к ним привыкли и не обращали особого внимания.

Машина Симонова почти подъехала к подножию жёлто-го холма, когда справа за каменным забором, сумасшедшей россыпью послышались хлёткие, похожие на щелчки ги-гантских кастаньет звуки. И как бутоны невиданного, гряз-но-оранжевого цветка, побежали вперёди машины цепочки разрывов.

В ту же секунду, сверху, с небес, обрушился ужасный, рас-калывающий воздух грохот, который кажется, вдавил в си-дения всех пассажиров и сам Уазик. Прямо перед машиной возник поднимающийся вверх огромный круг, изрыгающий жёлто-оранжевое пламя и жуткий жар, сорвавший трижды штопаный брезент на крыше машины. В салон пахло су-хим теплом и запахом сгоревшего керосина.

Аббас от неожиданности рванул руль, колесо не попало на очередной мостик, машина клюнула вниз, заваливаясь на-бок. В покосившееся переднее стекло Симонов увидел уда-ляющийся, с набором высоты, самолёт.

Все высыпали из машины. Самолёт, накренясь, стре-мительно и элегантно разворачивался для второго захода.

В пятнистой, блестящей под лучами солнца машине, Володя узнал израильский F-16. Одержимые нахлынувшим страхом люди, кинулись в разные стороны. Симонов, прилично отбежав от машины, присел за каменный забор. Аббас, перемахнув через изгородь, исчез в зелени растений. Один Сугель, не выпуская из рук автомат, побежал прямо по дороге.

Симонов закричал ему: – «Ложись!»

Но тот, не слыша или не понимая по-русски, продолжал бежать, поднимая ногами пыль.

Самолёт достаточно долго разворачивался и Володя предположил, что он вообще улетел.

Почему-то вспомнились строки Твардовского из «Василия Тёркина»: – «Звук тот самый, при котором,

В прифронтовой полосе

Поначалу, все шофёры

Разбегались от шоссе!»

Точно, как тараканы разбежались. С одним автоматом Сугель убежал, второй, в машине оставили – герои! Из пистолета много не настроеляешь.

Израильтянин не улетел, он вернулся. Самолёт приближался беззвучно, снижаясь, всё ниже и ниже, оставляя за собой лёгкий, как туман, дым. Не долетая до машины, он повернул вправо, и от него в сторону убежавшего Сугеля и жёлтого холма с пасущимися баранами, потянулся дымный шлейф трасс. Симонову даже показалось, что он увидел эту шестиствольную, вращающуюся и изрыгающую смерть,

пушку.

Разрывы, как сильные удары длинной палкой, побежали по земле, оставляя пыльный след, перескакивая через каменные заборы, роняя их на землю и, наконец, упёрлись в несчастных баранов. Вздрыгнули там землю и тела не успевших разбежаться животных. Самолёт взмыл и, покачав крыльями, улетел.

После этого свиста и грохота, наступила звенящая тишина.

С трудом перелез забор и пошёл к машине бледный Аббас, оглядывая небо и не веря в чудесное спасение. Подошёл, вымазанный в мокрой грязи, Симонов и стал, молча, мыть в ручье руки. Наконец оцепенение прошло, и они вспомнили о Сугеле. Его нигде не было видно. На холме бились в агонии раненые бараны. От батальона второго эшелона, волоча за собой шлейф пыли, мчалась санитарная машина. Симонов с Аббасом почти побежали вдоль дороги, заглядывая за забор и осматривая каждый куст. Сугеля нашёл Симонов. Тот лежал лицом вниз возле забора, заваленный упавшими камнями, не подавая признаков жизни. Володя склонился над телом, волосы Сугеля слиплись на затылке и были в крови. Аббас быстро разбросал камни, Симонов, боясь увидеть изуродованное лицо, осторожно перевернул солдата на спину. Сугель с трудом открыл глаза, его мутный, безразличный взгляд выражал только одно – будто он уже успел встретиться с ангелом смерти Азраилом, побеседовал с ангелами Мун-

каром и Накиром о своих благих делах и прегрешениях, и теперь, покорно ждал решения своей судьбы. Он вновь устало закрыл глаза. Аббас сбегал к ближайшему арыку, принёс в своей засаленной фуражке воды и вылил на лицо охранника. Сугель застонал, вздрогнул и открыл глаза, взгляд был уже не блуждающим, а более осмысленным. По лицу пробежало некое подобие радостной улыбки, будто он, и впрямь, попал в рай и действительно воочию увидел самого Пророка.

Приехавший сверхсрочник медик, осмотрев пострадавшего, успокоил – серьёзных ран и повреждений нет. Санитарным Уазиком вытащили на дорогу Уазик «хубары». Сугеля перевязали и увезли в медицинский пункт.

Ночью, ворочаясь на узком сидении машины, Володя попытался восстановить всё произошедшее и объяснить причины такого удивительного везения. Во-первых, почему самолёт был один? Обычно они летают парой. Во-вторых, почему лётчика заинтересовала именно их машина? Когда вокруг полно всякой, более серьёзной, техники. В третьих, почему он их не убил с первого захода? Трудно поверить в то, что пилот промахнулся.

Вероятнее всего, второй самолёт, по какой-то причине, вернулся на базу. Машина «хубары» шла от объекта, который израильтяне обычно бомбили. Таким образом, их можно было принять за палестинцев. Это, по-видимому, и заинтересовало лётчика. Израильский пилот изначально не хотел их убивать. Трудно поверить, что с такой высоты, ведя огонь

из 20 мм шестиствольной пушки, с бешеной скорострельностью, он не попал в Уазик. Возможно, спустившись ниже, лётчик увидел, что на таком авто палестинцы обычно не ездят. Это явно не «Ниссан» и не «Хонда». Он их просто испугал! Возможно, что самолётом управлял выходец из Советского союза, а может даже и земляк. Всё бывает!

Август – сентябрь 1982 года. Ближний Восток. Ливан

30 июля 1982 года, большинством голосов, Совет Безопасности ООН проголосовал за принятие срочной резолюции Совета Безопасности ООН, которая предусматривала немедленное прекращение блокады Бейрута и обеспечение возможности поставки и распределения представителями ООН гуманитарной помощи в Бейруте.

В последних числах августа Израиль, не потеряв надежду полностью овладеть Бейрутом, возобновил авиационные удары и артиллерийские обстрелы сирийских позиций по всей линии соприкосновения войск. Сирийское командование было вынуждено ввести в восточный Бейрут механизированные, танковые подразделения и полки коммандос.

Хрупкий мир в Ливане и благие намерения прийти к соглашению мирным путём, были вероломно сорваны Тель-Авивом. Все попытки израильтян переломить ход событий закончились провалом. Новый, произраильский президент Ливана Башир Жмайель, подталкиваемый руководством Израиля, обратился с просьбой о помощи к президенту и конгрессу США. Президент Р. Рейган, постоянно общаясь по телефону с премьер – министром Израиля Менахемом Бегин и министром обороны Ариэлем Шароном давно ожидал подобного шага от президента Ливана.

В это же время, армия обороны Израиля вновь попыталась прорвать оборону сирийских войск, но безрезультатно. Развязанные Израилем боевые действия, являлись, по сути дела, последней попыткой широкомасштабными боевыми операциями решить свои, как военные, так и политические задачи. Вместе с тем, не имея возможности самостоятельно вести длительные, боевые действия, израильтяне приступили к перегруппировке сил и средств и подготовке территории для размещения сил северно-атлантического альянса.

В один из августовских дней, Симонова разбудил грохот артиллерийских снарядов. Выскочив из палатки, Володя увидел на позициях батальонов первого эшелона вздымающиеся облака разрывов, и медленно оседающую пыль в районе огневых позиций артиллерийского дивизиона. Огневой налёт длился не более пяти минут. Бригадная артиллерия открыла огонь по обнаруженным позициям артиллерии израильтян. Экипажи заняли свои места в готовности отразить атаку противника. Но её не последовало. Ещё несколько раз в течение дня, на район обороны бригады обрушивался шквал огня. Без особого вреда для обороняющихся, так как подразделения уже перешли на запасные позиции.

Как позже Симонов узнал, таким образом, израильтяне стремились воспрепятствовать проведению перегруппировки сирийских сил, для оказания помощи войскам, ведущим боевые действия в районе Бейрута. Огневыми налётами евреи демонстрировали огневую подготовку атаки. Тем самым, удерживали

живая сирийские войска на прежних позициях, не давая выдвинуться в район основных боевых действий.

21 августа 1982 года, после прекращения огня, в Бейрут прибыли международные миротворческие силы ООН, в порту высадились 350 французских военнослужащих. В этот же день на греческих судах Бейрут покинули первые 400 палестинских боевиков.

Эвакуация проходила под наблюдением межнациональных сил, львиную долю из которых, естественно составляли американские морские пехотинцы, самые главные носители «демократии и свободы» во всём мире.

В середине сентября военно-морские силы атлантического блока организовали морскую блокаду ливанской столице. К ливанским берегам прибыли десантные корабли с морскими пехотинцами США. Часть из них входила в миротворческие силы ООН, другая часть, в подразделения, ведущие боевые действия в интересах Израиля. Их можно было различить лишь по цвету касок.

Формальное прекращение войны не принесло желаемого удовлетворение ни одной из воюющих сторон. Долгожданный мир ещё очень долго не сможет воцариться на этой многострадальной земле, неся покой и благоденствие, как израильскому народу, так и арабам.

Именно во время этой бессмысленной войны, в древнем городе Баальбек окончательно сформировалась радикальная шиитская организация «Хезболла», ставшая на многие годы

главной головной болью для Израиля и его союзников. И это тоже был один из итогов той, бесславной войны.

Горный район Хаммана

Однажды Симонов и Аббас возвращались после дежурства домой. За делами выехали поздно. Дорога на Дамаск была забита войсками, уже начался плановый вывод части контингента сирийских войск, участвующих в конфликте. Извивающаяся, многокилометровая колонна, постоянно останавливаясь, медленно ползла к Шторе – пограничному пункту на границе Сирии и Ливана. По-видимому, желая хотя бы как-то, организовать движение, на крупных перекрёстках были оборудованы посты сирийской военной полиции – «шорты». Которые только усугубили хаос, останавливая не понравившиеся им автомобили, осматривая вещи и проверяя документы. Как объяснил Аббас:

– Разыскивают солдат, незаконно отъезжающих в увольнение, а также лиц без документов.

Остановили и их потрёпанный Уазик. Несмотря на то, что на машине был нанесён номер сирийской армии, написанный по-арабски и начинающийся на цифру «69» – обозначающий машину военных советников, их попросили выйти из машины, и проводили Симонова в палатку поста.

Обычно для проезда подобных постов достаточно было просто сказать «хубара». Никаких документов у Симонова не было, переводчика тоже, Аббас под присмотром полицейских остался возле машины.

В палатке за походным столиком сидел лейтенант военной полиции, в красном берете с непроницаемым лицом. Поднявшись со своего места, он что-то быстро сказал по-арабски. Поняв, что офицер назвал себя, Симонов, стараясь говорить правильно, произнёс уже заученную арабскую фразу, что он советник командира такой-то танковой бригады, назвал своё звание и имя.

Дальнейший разговор не получился. На все вопросы лейтенанта Симонов неизменно отвечал «му мафу – не понимаю». Наконец Володя вспомнил что-то ещё из своего словарного запаса и выпалил:

– Атыни саик, мусаид Аббас! – что по его разумению должно было обозначать – «дай мне водителя сверхсрочника Аббаса»

Привели испуганного Аббаса. Тот, как сумасшедший, вытаращив глаза, вытянувшись, громко отвечал на все вопросы лейтенанта, каждый раз добавляя в конце предложения «таиб сиди – так точно господин».

С его помощью Володя понял, что полицейский желает проверить его документы, а также разрешение на автомат. Ничего из этого у Симонова не было. Уловив знакомое слово «мусадас» в очередном вопросе лейтенанта, Володя достал свой пистолет, поняв жесты Аббаса, разрядил его и передал оба магазина офицеру, а оружие вернул в кобур на пояс.

Всё происходящее напоминало сюжет о глухонемых. Никаких средств связи в палатке не было. Ситуация зашла в ту-

пик. Что можно было ожидать от полицейских, Симонов не знал, на сердце было беспокойно. Он в очередной раз пожалел, что так плохо знает арабский.

По-видимому, лейтенант полиции тоже не знал, как поступить – документов у иностранца нет, что-то внятно объяснить он не может. Отпустить? А если он израильский шпион! Ну и что, если у них машина советников? Ещё неизвестно где они её взяли? И водитель какой-то странный, большой, неуклюжий и испуганный. Возможно притворившийся диверсант? Можно конечно пока посадить их в яму, вероятно утром ситуация прояснится, сидит же там один такой же, без документов, – лейтенант посмотрел в угол палатки.

Симонов заметил его быстрый взгляд – в углу палатки стоял громадный пластиковый бак, по-видимому, с запасом воды. Под ним темнела яма, накрытая решёткой, сваренной из металлической арматуры. Из глубины ямы на него смотрели испуганные глаза человека.

– Надо перехватить у него инициативу, – подумал Володя, – не хватало, чтобы он и меня туда посадил. Вот смеху будет! – Симонов с независимым видом прошёл к столу, повернул к себе походный стул, с видом уставшего человека опустился на него, достал и прикурил сигарету, выпустив дым, посмотрел на лейтенанта, – «телефон фи?» – приложив руку к уху, изобразил телефон.

– «Ля – нет» – коротко ответил полицейский.

Он продолжал стоять, не зная как себя вести и что пред-

принять в дальнейшем:

– А вдруг он и вправду советник и подполковник? Можно кучу неприятностей заработать! Это не арабского водителя в яму засадить, за русского спросят по всей строгости! Пропустить – пускай едут? Ничего запрещённого в машине-то не нашли. А может, они тут специально ездят, смотрят как «шорта» работает? Потом с меня же спросят – почему пропустил без документов? Внезапно ему на ум пришла счастливая мысль: – двое из солдат поста должны были по графику ехать в увольнение, но автобус «мобита» проехал другой дорогой. Сейчас представилась прекрасная возможность сделать два дела – отпустить бойцов в увольнение и отконвоировать неизвестных на их же транспорте в отдел военной полиции штаба корпуса.

Аббаса посадили за руль, впереди на пассажирском сидении с автоматом на коленях, сел один из солдат-полицейских, сзади уместился Симонов, тяжеленные мешки отпускников перекрыли одну из дверей, к другой сел второй боец, держа автомат наготове. Автомат Симонова и патроны к его пистолету были отданы переднему полицейскому.

Наконец все расселись, прощаясь, лейтенант учтиво приложил руку к своему красному берету, и они поехали.

Кавалькада разномастных автомобилей больше стояла, чем двигалась, несмотря на то, что один из полицейских периодически выходил из машины, громкими криками, размахивая автоматом, заставлял кого-то отъехать и пропу-

стить Уазик «хубары». После этого они резво проезжали пару-тройку километров и упирались в хвост очередной пробки. Поговорив с таким же военным полицейским на очередном посту, сопровождающее что-то долго доказывали Аббасу и, судя по всему, тот не соглашался. Наконец повернувшись к Симонову, он начал что-то пояснять, водя пальцем по пыльному переднему стеклу. Глядя на эти кривые линии, Володя ничего толком не понял, но услышал два знакомых названия: – Хаммана, Шуф и слово «тель». Эти названия часто попадались в оперативных сводках, слово «тель» обозначало высоту или гору.

– Решили объехать пробку по горным дорогам, – догадался Симонов, – но там, насколько он помнил, было небезопасно, бродили неизвестно чьи вооружённые группы и случались обстрелы. Ползти же по забитому техникой шоссе возможно до завтрашнего обеда или вечера, тоже не входило в Володины планы. С другой стороны, неизвестно что у этих шустрых ребят из военной полиции на уме? Какой приказ они получили от своего начальника, не дав до отъезда возможности даже поговорить с Аббасом? Всё произошло очень быстро. Сейчас заедем в горы, от них что угодно можно ожидать – не все же относятся к русским по-доброму! А у него пистолет без патронов и автомат у охранника.

Но выбора не было и он на арабский манер, махнул рукой: – «Ела рух – поехали!»

Машина свернула с шоссе и поехала по вполне прилич-

ной дороге к покрытым вечерней дымкой горным хребтам. По мере движения автомобиля, горы вырастали на глазах, из бесформенно зелёно-серого массива, в свете уходящего дня, стали вырисовываться мрачные ущелья, наполненные вечерними сумерками, распадки, незнакомые Симонову старые деревья с потрескавшейся корой и облезлыми кронами. Асфальт закончился, и машина запрыгала по каменистой, виляющей между огромными валунами дороге. Вскоре закатные лучи солнца пропали за грядой угрюмых хребтов. Узкий проход между горами, по которому они ехали, с уходом света, быстро наполнился лёгкой прохладой, сыростью и настороженностью. По бокам дороги с откосов свисали, как толстые канаты, скрюченные, извивающиеся корни каких-то растений.

Жители пустыни – арабские солдаты с опаской посматривали по сторонам. Сидящий рядом с Симоновым полицейский, как ему казалось, незаметно снял свой автомат с предохранителя.

– Наверное, патрон уже в стволе? – машинально отметил Володя, – действительно место неприветливое, самый раз устроить какую-либо засаду. Тут один бандит из организации «Братьев мусульман» такую «хреноту» способен организовать, будет до полной темноты безбоязненно отстреливаться из этого лесного «чепурыжника», а потом незаметно растворится в чаще. Если конечно всех не перестреляет. А у меня и оружия нет, и у Аббаса пистолет забрали. Вот

тебе и знание языка! Плохо дело!

Полицейские, по-видимому, и сами не представляли, как выглядит в сумраке надвигающейся ночи, пускай даже хилый, лес, горы и тени в ближайших расщелинах.

В одном месте на обочине ржавел остов какого-то грузового автомобиля.

Аббас пытался гнать машину на максимальной скорости, пассажиры, подпрыгивая, старались избегать ударов головой о дуги крыши. Перед машиной постоянно возникали неожиданные препятствия – камни, толстые корни деревьев, глубокие ямы и водитель резко тормозил.

Звуков выстрелов при очередном внезапном торможении, Симонов не услышал. Он лишь увидел на капоте машины мгновенно возникшие, как в мультфильмах глубокие рваные борозды и звуки, похожие на коротенькую барабанную дробь по дну пустой кастрюли. Мешок с вещами солдат полиции как бы пошевелился, сидящий рядом боец вскрикнул и схватился за ногу. Машину повело влево, и она боком съехала в кювет.

Полицейский заорал дурным голосом, пытаясь открыть дверь, и выпал на улицу, Симонов вылетел следом. Боец, корчась от боли, катался по земле, второй полицейский, пристроив автомат на крыло машины, короткими очередями стрелял по кустам наверху склона.

Симонов схватил валявшийся автомат раненого, машинально передёрнул затвор, выдернутый патрон покатился

по земле, в этот миг он встретился глазами с лежащим на земле солдатом. Тот, перестав стонать, с ужасом смотрел то него, то на опущенный ствол автомата, пытаясь, лежа на спине, отталкиваясь ногами, отползти. Володя отвернулся и стал стрелять по кустам. Ответных выстрелов не последовало.

Почти опрокинувшись на бок, машина подкатилась под самый откос и сверху от кустов её, по-видимому, не было видно.

Наконец из машины выбрался окровавленный Аббас, он сильно ударился головой, левый глаз заплыл, на голове красовалась огромная кровоточащая шишка.

Общими усилиями поставили Уазик на колёса. Рана солдата «шорты» оказалась не опасной, пуля, пробив дверцу, один из мешков с вещами и застряла в икре левой ноги. Бойца перевязали, он был бледен и стонал. Оставив ему пистолет водителя, Симонов, Аббас и солдат полиции вооружённые автоматами, осторожно поднялись по склону. В кустах они обнаружили «лёжку» и стреляные гильзы к автомату АК, судя по их количеству, отсюда вели огонь не в первый раз. Едва заметная тропинка вела вниз по обратному склону, далеко внизу через зелень проглядывались крыши какого-то селения.

Возвратившись к машине, Симонов забрал у солдата «шорты» патроны к своему пистолету. Переднее колесо машины оказалось простреленным, других повреждений, кро-

ме пробитого капота и дверцы, обнаружено не было. На счастье резкое торможение перед препятствием спасло Аббасу жизнь. Пока он с полицейским меняли колесо, Володя, перейдя через дорогу, укрывшись в зелени раскидистого куста, наблюдал по сторонам, опасаясь повторной стрельбы.

Сменив колесо, тронулись дальше, Симонов сел за руль, Аббас, с заплывшим глазом, с автоматом на коленях – впереди на пассажирском сидении, оба полицейских сзади. Ночь полностью вступила в свои права, дорогу стало почти невиднo, кустарник на склонах стоял тёмной стеной, звёзды, мерцающие в недостигаемой вышине, только усиливали этот мрак, пришлось включить фары. Теперь их передвижение было не только слышно, но и прекрасно видно в чернильной темноте южной ночи.

– Пренеприятное чувство ехать ночью с включённым светом по простреливаемой дороге, – подумал Симонов, – не знаешь, с какой стороны прилетит и куда попадёт? И сделать-то ничего нельзя, остановишься, в тишине и мраке ещё неприятнее! Лучше уж ехать – будь, что будет!

За очередным поворотом, впереди на дороге обозначилось какое-то неясное движение и тусклые огоньки. Симонов остановил машину, заглушил двигатель, выключил фары. Все кроме раненого вышли из машины и залегли.

Неизвестные впереди тоже затаились, так продолжалось довольно долго, ни те, ни другие не предпринимали никаких действий.

Симонов, обойдя машину, тихонько позвал Аббаса, жестами показал, что надо двигаться пешком вдоль дороги и что он сам пойдёт с другой стороны. Аббас растаял в темноте, Володя зажёл подфарники и, стараясь не шуметь и не попадать в их свет, пошёл вперёд, прислушиваясь. Когда они отошли от машины довольно далеко, Аббас, по-видимому оступившись в темноте, загремел какой-то валявшейся железкой. Из темноты раздался окрик на арабском языке, помолчав, Аббас ответил, они перекинулись с невидимым собеседником несколькими фразами. Тот же незнакомый голос по-русски громко спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.